

Сун Юйань никак не ответила. Хотя Жун Тин и был испуган, он заметил, что её лицо покраснело.

Он положил руку на лоб девушки и мгновенно отдернул ее. Почему кожа такая горячая? Неужели у матери-императрицы лихорадка?

Жун Тин, никогда не сталкивавшийся с подобными ситуациями, не смог не запаниковать, особенно когда мать-императрица продолжила плакать с закрытыми глазами, крепко сжимая одеяло в пальцах. Он хотел растолкать ее, разбудить. Этой ночью Жун Тин настолько испугался, что весь вспотел.

Так не может больше продолжаться!

«Жун Тин, ты должен успокоиться! Сохраняй спокойствие!»

Он прикусил язык и ущипнул себя за руку. Сделав над собой усилие, чтобы успокоиться, Жун Тин закрыл глаза и принялся вспоминать, что делала мать-императрица, когда он в прошлый раз болел. Мальчик пробормотал:

— Термометр, мокрая тряпка для понижения температуры, ибупрофен... да! Точно!

Жун Тин сжал ладони в маленькие кулачки и выбежал из спальни. Он вбежал в гостиную за аптечкой, но из-за спешки не смотрел под ноги и чуть не запнулся о кресло.

Жун Тин открыл аптечку, схватил ушной термометр и трясущимися руками измерил температуру Сун Юйань. Маленький экран показал тридцать восемь и семь. У матери-императрицы действительно началась лихорадка.

Накрыв лоб Сун Юйань мокрой тряпочкой, Жун Тин дрожащими пальцами набрал номер Сун Хайпина. В тот момент мальчик хотел найти отца-императора, только вот тот сейчас пребывал в городе Б и был слишком далеко, чтобы как-то помочь. Гораздо правильнее сейчас было бы найти дедушку.

За окном и намека на рассвет не было, и Сун Хайпин еще спал. Услышав звонок, он выругался. Видя, что звонит Жун Тин, Сун Хайпин покачал головой, чтобы избавиться от сонной дымки перед глазами, и поднял трубку.

— Жун Тин, что случилось?

Сун Хайпин хорошо знал своего внука. В такое время тот еще должен был спать. Раз уж он позвонил, должно быть, дома действительно что-то произошло.

Ответив на звонок, Сун Хайпин встал и принялся одеваться.

И Жун Тин и правда закричал с нотками паники в голосе:

— Дедушка, мать-императрица заболела, у нее лихорадка!

Сердце Сун Хайпина заколотилось очень быстро. Но он был отцом более двадцати лет — лихорадка явно не была особой проблемой. Быстро запрыгнув в штаны, Сун Хайпин не забыл успокоить внука:

— Айя, не волнуйся, не стоит. Я скоро буду. Эта девчонка... когда она болеет, простуда или лихорадка — это не что-то из ряда вон выходящее. Сделай вот что: когда положишь трубку, обращай внимание на ее температуру и перепроверяй время от времени. Дедушка уже спешит к вам!

Внимательно послушав Сун Хайпина, Жун Тин судорожно вздохнул и постарался успокоиться.

Он впервые видел болеющую мать-императрицу. Более того, та до сих пор плакала, и Жун Тин не представлял, что с этим делать.

Повесив трубку, мальчик сел на кровать и взял Сун Юйань за руку, не решаясь моргать или говорить. Время, казалось, совсем не хотело идти. Услышав дверной звонок, Жун Тин подпрыгнул и увидел вошедшего дедушку. Он рванул к Сун Хайпину со скоростью пули. Дедушка подхватил внука и погладил по спине, тихим голосом успокаивая:

— Все нормально. Только посмотри на себя: чего ты так перепугался?

Сун Хайпин опустил Жун Тина и направился к кровати. Наконец, он понял, почему ребенок так нервничал и боялся.

Состояние Юйаньюйань действительно оставляло желать лучшего. Она, очевидно, до сих пор спала, продолжая душераздирающе всхлипывать, а лицо девушки лихорадочно покраснело.

Все люди временами болели. Сун Хайпин помнил: его дочь действительно постоянно болела, страдая от лихорадок и сыпи. А когда девочка пошла в детский сад, то им, без преувеличения, по несколько раз за месяц приходилось носиться по больницам.

Сун Хайпин успокоил себя. По пути сюда он купил жаропонижающее и термометр. Измерив температуру, дедушка определил, что у девушки действительно была лихорадка, но не очень серьезная.

— Так, ты пока иди спать, — убедившись, что ничего сильно страшного не произошло, Сун

Хайпин снова повернулся к Жун Тину. — Юйаньюань в порядке, я за ней присмотрю. Температура не слишком высокая, так что в лекарствах нет нужды. Завтра утром еще раз ее проверим, и если лихорадка не уйдет, то я отвезу ее в больницу. Если сейчас отправимся в больницу, там может не оказаться свободных кроватей, а снаружи нынче холодно. Ей от этого может стать только хуже.

Но Жун Тин упрямо покачал головой и несколько хрипло поспорил:

— Нет, я хочу посидеть с матерью-императрицей. Мать-императрица ведь присматривала за мной, когда я болел.

— Айя, ну и дите, какое непослушание! Как можно детям так поздно не спать!

У Сун Хайпина разболелась голова. С одной стороны, ему нужно было позаботиться о дочери. С другой стороны, ему нужно было также проследить за внуком. Как же ему не повезло с упрямством последнего. Жун Тин притащил небольшое креслице из другой комнаты и уселся на нее, всем видом показывая, что сдаваться не собирается.

Сун Хайпин не мог изменить решения мальчика, поэтому теперь они вдвоем сидели у кровати.

Жун Тин взял Сун Юйань за руку и принялся неустанно повторять одну и ту же фразу:

— Мать-императрица, Гугу здесь.

Сун Хайпин подоткнул одеяло Сун Юйань и померил температуру.

Изначально плакавшая девушка успокоилась, ее слезы высохли. Кажется, Сун Юйань провалилась в глубокий сон.

Сун Хайпин расслабился. Жун Тин как-никак оставался ребенком и не мог бодрствовать всю ночь — в конце концов он все же уснул. Сун Хайпин перенес его в кровать и накрыл одеялом. Он некоторое время рассматривал нахмуренное лицо спящего мальчика, после чего вздохнул. В любом случае у него был чудесный внук. Сун Юйань не видела, как тот вырос, но он все равно волновался за Юйаньюань и переживал за нее.

Спустя некоторое время Сун Хайпин выключил свет, прикрыл дверь и вернулся в комнату своей дочери, сев у изголовья кровати. Он хотел позвонить бывшей жене, но, посмотрев на время, решил этого не делать.

Видя свою дочь в таком состоянии, Сун Хайпин вспоминал, как она болела, будучи ребенком. Тогда ей было меньше года, и доктор сказал, что девочке нужен укол. На маленькой детской ручке было сложно найти вену, поэтому врачам ничего не оставалось, кроме как побрить Сун Юйань и сделать инъекцию через голову. И Сун Хайпин держал дочь на руках, смотря, как

медсестра делает укол. От крика и плача своей маленькой дочки сердце Сун Хайпина сжималось от боли.

— Юйаньюань, поскорее поправляйся!

Сун Юйань глядела на женщину в дворцовых одеяниях, безвольно сидевшую на земле. Женщина выглядела очень молодо, не старше двадцати лет. Подол ее платья был испачкан кровью, а прическа развалилась, но она упрямо сжимала кинжал в руке, протягивая руку, чтобы показать свое худое бледное запястье. Она выглядела сумасшедшей, и, продолжая пялиться на Сун Юйань широко распахнутыми глазами, резко провела кинжалом по вытянутой руке.

Едкий запах крови устремился напрямик в нос Сун Юйань. Ее затошнило. Живот скрутило, а голова стала какой-то уж слишком тяжелой. Служанка поблизости поспешила поддержать Сун Юйань.

Дворцовая охрана окружила женщину, а придворные дамы встали перед Сун Юйань в знак защиты.

Сун Юйань уже собиралась уйти, когда услышала пронзительный крик девушки:

— Императрица, ах, матушка-императрица! Разве ты никогда не сомневалась? Почему Его Величество выбрал тебя императрицей? — женщина фыркнула. — Мой дедушка — министр финансов, дядя наложницы Минь — премьер-министр, дед императорской наложницы Вань — императорский наставник. А ты? Чем приемная дочь генерала заслуживает такого титула?

Сун Юйань застыла.

— Матушка-императрица, я не сдамся! Никто не сдастся!

Женщина в дворцовом платье потеряла слишком много крови. Ее захлестнуло безумие, заставив размахивать оружием направо и налево. Глаза женщины при взгляде на Сун Юйань лучились ненавистью.

— Я проклинаю тебя, проклинаю тебя и желаю всего наихудшего! Будь проклята ты и ребенок в твоём животе!

Когда желудок Сун Юйань скрутило от головокружения и кровавой сцены, перед ней, защищая своей спиной, явился Сын Неба в императорских одеждах.

Его голос звучал спокойно, даже бесчувственно:

— Отправьте наложницу Ли обратно во дворец. И прикажите дворцовому лекарю убедиться, что ее жизнь не под угрозой.

Сун Юйань подняла на него взгляд, но все, что она могла видеть, — это императорские одеяния. По какой-то причине она почувствовала дискомфорт, почти удушье. Императрица ужасно боялась крови, особенно при столкновении с такого рода ситуацией. Ей было так страшно, что руки тряслись от ужаса.

Евнухи увели наложницу Ли. Кровь на земле блестела чуть ли не ослепительно. В конце концов, наложница Ли оставалась наложницей — пока она пыталась вырваться, евнухи не могли относиться к ней слишком неуважительно. Дедушка наложницы Ли был министром финансов, но в то же время был вовлечен в недавнюю коррупционную схему на юге. Его Величество больше всего ненавидел продажных чиновников, а они боялись, что этот министр финансов не сможет легко покинуть свой пост. Но, если Его Величество припомнит министру его прошлые заслуги, тогда в тот день, когда наложница Ли возвысится, самые невезучие из них станут рабами.

Наложница Ли глупо смотрела на Сына Неба перед собой, но с каждым словом, произнесенным ей, она обливалась кровью. Когда император явился, ненависти во взгляде женщины не осталось. Было лишь глубокое обожание:

— Ваше Величество, эта служанка встретила вас еще задолго до входа во дворец в двенадцать лет. Позже, когда прошлый император пожаловал вам эту служанку в качестве второй наложницы, эту служанку переполняло счастье. Эта служанка изучила все ваши предпочтения. Эта служанка знает, что вы любите рисовать и заниматься каллиграфией, что вы наслаждаетесь игрой в шахматы. Эта служанка хочет сопровождать вас, но почему вы совсем не видите эту служанку?

Но лицо Сына Неба осталось равнодушным, словно он смотрел на незнакомца.

Он не особо любил, когда ему изливали душу, а особенно в таком ключе.

— Ваше Величество! Ваше Величество! — взывала наложница Ли от горя. Она лежала на полу, пытаясь ползти к нему, и отчаянно кричала: — Ваше Величество, посмотрите на меня, посмотрите...

Император не остановился.

Сун Юйань была под его защитой, но не могла отвести взгляда от некогда нежной и приятной наложницы Ли.

Женщина наконец остановилась и зарыдала. Ее голос больше не звучал так пронзительно, но в нем слышалась горечь обиды и тоски:

— Отец, мать, Янь-эр хочет домой, правда хочет... домой.

Сун Юйань вернулась во дворец. У императора было много дел, и он мог посидеть с ней всего ничего, прежде чем уйти.

Сун Юйань была слишком слаба, потому поужинать не смогла. Служанки вокруг по очереди умоляли ее поесть, но той и кусок в горло не лез. Императрица расспросила свою наиболее доверенную служанку Пэйлань, и та рассказала про то, сколько лет было всем наложницам и как долго они оставались на территории дворца...

Многие наложницы из гарема не видели своих семей с тех пор, как ступили на порог дворца. А ступили они на него еще в очень юном возрасте.

Сун Юйань взглянула на себя в медном зеркале. Очевидно, это была она, но почему она выглядела такой незнакомой?..

Была ли она все той же Сун Юйань или императрицей великой династии Е? Кем она была? Был ли дворец ее домом? Или это было генеральское поместье?

Сун Юйань вспомнила слова наложницы Ли...

— Пэйлань, я хочу домой.

Служанка взволнованно взглянула на нее:

— Матушка-императрица, если вы скучаете по госпоже, вы можете призвать ее во дворец.

Сун Юйань покачала головой:

— Нет, нет.

Девушка в отражении зеркала плакала. Сун Юйань спрятала лицо в ладонях, ощущая только беспомощность и боль.

— Я хочу домой, я правда хочу домой.

Это место не являлось ее домом. Это не ее дом.

<http://tl.rulate.ru/book/32429/3314688>